

108-е заседание регулярного теоретического семинара
«ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ»
18 марта 2014 года

Курдюмов В.А.,
доктор филологических наук, профессор
г. Москва

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ИДЕАЛЬНЫЙ / ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИКИ

Тезисы выступления

Одними из наиболее «неподходящих» для традиционной лингвистики остаются восточные языки, и, частности, китайский (с таким же успехом на это место может быть поставлен любой нефлективный тип языка: вьетнамский, тибетский, турецкий, банту, надене и др.). Однако вместо того, чтобы признать «невписывающийся» язык новой «параллельной прямой» и построить новую теорию, начать вести новый отсчет, столетиями делятся споры о том, как лучше уподобить его флективным европейским, как наиболее оптимально совершить подгонку под устаревающие стандарты.

Китайская языковая реальность во многом выходит за рамки «европейской» теории: в ней не существует «европейских» слов, хотя есть лексический уровень, сами уровни делятся на сильные и слабые, причем «слабыми», незначимыми для китайского сознания являются фонема и предложение, в то время как на первый план по спаянности и выраженности выходят морфема и синтагма, в китайском языке нет словарных частей речи — морфологическая отнесенность, скорей, позиция, форма, нежели свойство; китайское предложение исключает традиционные подлежащее и сказуемое, выдвигая на первый план топик и комментарий; сам китайский язык до настоящего времени реализуется в бесконечном множестве диалектных и временных форм при так или иначе гарантированной обеспеченности коммуникации между их носителями.

Все перечисленное не просто позволяет, но и требует пересмотреть представления об идеальном объекте, т.е. построить теорию, исходя не из поверхностных «от-латинских» реалий, а более «глубоких» китайских, или, к примеру, турецких. Смена объекта языкознания на типологически отличающийся позволяет построить как бесконечное множество «новейших» грамматик, так и более сущностную, гораздо более обобщенную и «обобщающую» универсальную теорию.

В отличие от «литературного европейского» китайское предложение строится как расчлененное единство грамматически рассогласованных частей: топика и комментария, иными словами, предцизируемого и предцизирующего компонентов. В ряде исследований мы показали, что топик и комментарий — понятия гораздо более значимые и выходящие за рамки синтаксиса. Они характерны для текста, как критерий — для типологии языков, и, самое важное, — для принципиального моделирования психолингвистических процессов. Предложение “в чистом виде” есть элементарный знак, материальный объект, лишь подлежащий осмыслению (“означиванию”), то есть поэтапному снижению степени “поверхностности”. Обычно под “поверхностной” понимается *синтаксическая* структура, которая на самом деле таковой является лишь условно, поскольку чистая поверхностность = материальность (в отвлечении от носителя знака), которую мы принимаем за нуль отсчета по оси порождения (“минус”) - восприятия (“плюс”). Когда говорим о *структуре*, уже имеем дело с *глубинностью*. Именно этим объясняется онтологическое противоречие, постоянно возникающее при попытках определения лингвистического статуса

фигурирующих в прикладном языкознании “глубинных структур”. То есть при условном первом (“±1”) отражении знака мы имеем дело с целостным объектом, который затем “распадается” (“±2”) на “*пред-синтаксические*” топик и комментарий, которые при дальнейшем “осмыслении” последовательно переходят в “семантические” (“±3, 4, 5 ... n”) пары Топик_к -Комментарий_к. На определенном уровне “глубины” структура перестраивается в теньеровскую схему “предикат+совокупность равно-не-выделенных актантов” (актант топика теряет свое коммуникативное превосходство), а затем структура становится визуальной (“картиночной”) — переходит в *образ*, где актантам соответствуют образы предметов, а предикату — осознаваемые связи между ними. Процесс преобразований, то есть коммуникативно обусловленный перманентный взаимный переход бинарных структур мы называем *предикацией*, а саму последовательность — *предикационной цепью*. **Предикация представляет собой “техническую” основу коммуникации.** Материальный знак (“нуль отсчета по горизонтали”) представляет собой лишь звено при движении от “картинки” в сознании говорящего к “картинке” в сознании слушающего.

Топик и комментарий – основа не только синтаксиса, текста, типологии и психолингвистики, это универсальные языковые категории, функционирующие на любых уровнях и стадиях языка в синхронии и диахронии, совершающие оборот в процессе порождения и восприятия, постоянно переходящие в себе подобные или производные; структуры. Топик и комментарий реализуют предикативную связь — основу языка, видимо, будучи, врожденными как структура, «рамка». Врожденные структуры Хомского — лишь предписанные нашему сознанию ячейки, «полки» для «укладки» топика и комментария. Таким образом, сам язык моделируется и, скорей, представляет собой совокупность предикационных цепей, единый поток, охватывающий и горизонталь (порождение-восприятие), и вертикаль (уровни-диахрония). То, что именуется материальными знаками, вещами, объектами материального мира, обрисовывается лишь в потоке, при этом коммуниканты сами становятся знаками языка, подлежащими выявлению и истолкованию. Человек как бытие неизбежно существует лишь в языке,; ничего не существует вне языка. Видимо, именно так подразумевался ЯЗЫК, когда описывался как ЛОГОС, и именно поэтому бессмысленны любые «антропоцентричные» подходы и концепции, проблематика «языковых картин мира», «языка и культуры», «языка и мышления» и пр.. Язык как процесс исключает и диалектику, поскольку противопоставляемые свойства объекта — лишь фиксируемые наблюдателем и возводимые в статус абсолюта этапы предикационных преобразований.

При анализе восточных языков (изолирующих топиковых; относительно идеальный объект — китайский язык) и трансляции результатов в области психолингвистики и теории коммуникации необходимо отказаться от модели языка как серии дихотомических противопоставлений, и, прежде всего, основного из них: языка и речи. Все дихотомические, трихотомические и далее варианты (предлагавшиеся в рамках системологии (труды Г.П. Мельникова) и семиодинамики) могут рассматриваться не более как проявления и этапы ЯЗЫКА как процесса.

Основой итоговой модели становятся процессы порождения и восприятия (предикационные цепи) в синхронии и диахронии и формируемая на их основе система уровней, простирающаяся от фонем до области дискурсов, и далее — к ЯЗЫКУ и его отрицанию. Такая модель позволяет снять ограничения и противоречия, возникающие при любых «расширениях» лингвистики: на материал восточных языков, на вновь выявляемые уровни языка и пр. Модель, по-видимому, можно считать универсальной — применимой для исследования любого национального языка, диалекта и пр. и явлений любого уровня, и, — по-видимому, для снятия противоречий между «эмпирико-лингвистическим» и «онтологическим» подходами к языку, для обоснования лингвистики как «конечной философии», итогового размышления о сущем.

Кратко перечислим основные принципы:

Язык есть процесс — совокупность предикационных цепей (структурно репрезентируемых процессов порождения и восприятия); — в противоположность представлению языка как (статичной) системы знаков, некоего «склада» единиц, «строительных элементов».

Основой динамики языка является предикация — движение или перманентное преобразование бинарных предикативных структур (Топик - Комментарий → Топик - Комментарий). Все такие структуры рассматриваются как «глубинные». Иными словами, язык — суть динамическая система трансформаций глубинных (ментальных) структур.

Язык возникает там и тогда, где возникает подлежащая заполнению и утверждению бинарная рамка ("Топик - Комментарий"), необходимость характеристики и утверждения этой характеристики.

Характеризация "Топик - Комментарий" суть идея или форма идеи, таким образом, язык есть движение идеи и, в то же время, форма форм. «Содержание» или «смысл» не существенны, говоря о них, мы говорим не о знаковом соответствии, а о (бесконечном) движении, бесконечном потоке предикаций.

В системе уровней генезис знаковых единиц (от фонемы до "всеобщего говорения") суть предикация в диахронии. Любая единица свёртывается или развертывается до идеи-предложения.

Ни порождение, ни восприятие не являются комбинированием «строительных» знаков: каждый акт коммуникации подразумевает порождение текста, движение к тексту от элементарной идеи, в том числе, путем уровневого ранжирования идей, производимых в ходе преобразований.

Предикационное движение последовательно реализует три цели, соответствующие триединству функций языка: координацию деятельности, совершенствование знания, прояснение сущности мира. Координация (интерактивность) обслуживает обыденный уровень коммуникации, параллельно происходит аккумуляция знаний (когнитивность), неизбежно, хотя и с серьезными препятствиями, стремящаяся перерасти в осознание подлинности ЯЗЫКА / БЫТИЯ.

Язык не является средством, он ничего не обслуживает и не описывает; язык суть сама реальность, процесс бытия, описываемое как сущее, бытие тем не менее, лишь обрисовывается языком; поток бытия не что иное как движение языка.

Под *динамической структурной концепцией* понимается предикационная концепция языка, основы которой изложены в ряде трудов, таких, как «» и «», а также серии статей.

Необходимость создания подобной концепции диктуется тем, что система категорий и понятий современного языкознания, особенно, языкознания «вузовского», строится на основе анализа поверхностных свойств европейских языков (сильно)флективного типа (латинского, греческого). При этом в ряде случаев такая система «дает сбой» уже при анализе слабофлективных языков (типа современного английского) и почти неприменима к языкам типично изолирующим (к примеру, китайскому или вьетнамскому). Обычное при таких «сбоях» решение проблемы— отказ от общелингвистических обобщений и признание восточного языкознания обособленной дисциплиной, основанной на (частно)дескриптивистских принципах анализа — в общем и целом, представляется достаточно курьезным. В результате в обиход вводятся крайне абстрактные описательные термины типа «формант» или «модификатор», ряд спорных проблем просто игнорируется, или заимствуются достаточно спорные термины, принятые в национальном языкознании и недостаточно обоснованные теоретически, типа «комплемента» и др. Подобная ситуация существует фактически с начала XX столетия, и, видимо, устраивает как теоретиков-специалистов по европейским языкам (которые не видят возможной альтернативы «флективному» языкознанию), так и основную массу востоковедов-практиков, ведущих преподавание и не слишком углубляющихся в абстрактные категории.

Актуальность расширения/пересмотра общей теории за счет учета сущностных свойств восточных языков обуславливается как растущим влиянием этих языков в межкультурной коммуникации, так и кризисом парадигм теоретического языкознания, в общем и целом основанного на структуралистских принципах.